

Гриф секретности снят

Алексей Кириченко

Японская разведка против СССР

«ВЕЧЕ»

2016

Кириченко А. А.

Японская разведка против СССР / А. А. Кириченко — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Гриф секретности снят)

ISBN 978-5-4484-7982-3

В своей книге А.А. Кириченко рассказывает о многолетнем соперничестве спецслужб Японии и Советского Союза. На страницах книги читатель найдет интересные подробности о японских разведчиках, борьбе спецслужб, методах вербовки агентов, советских перебежчиках и японских военнопленных, также автор пишет о таких известных лицах, как атаман Г.М. Семенов и Р. Зорге. Книга будет интересна не только любителям истории спецслужб, но и тем, кто интересуется историей российско-японских отношений. Книга издается в авторской редакции.

ISBN 978-5-4484-7982-3

© Кириченко А. А., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Вместо пролога	6
Немного о себе	9
«Кормушка»	10
Бюро дезинформации	11
Когда раскроются тайны?	13
Беглянки	14
Шпиономания	15
Реабилитация	16
5-я улица Соколиной Горы	17
Танцор из Японии	19
На японском направлении	20
На оперативной практике; Владивосток – Сокольники	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алексей Алексеевич Кириченко

Японская разведка против СССР

© Кириченко А.А., 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

Вместо пролога

В 1995 году в японском журнале «Verdad» (№ 1–6) были опубликованы мои заметки. По замыслу редакции журнала, такие заметки должны были публиковаться ежемесячно в течение года, а затем их намеревались издать отдельной книгой.

Но неожиданно публикация прекратилась без объяснения автору, по какой причине. Помоему, японцы их встретили благожелательно и с интересом. Мой знакомый профессор Фуки-ура сказал, что с удовольствием прочитал мною написанное и выразил удивление, почему меня перестали печатать.

Я и сам не мог понять, что же произошло. Формальная причина этого, как мне объяснил советник ассоциации «Дзэнъёккё»¹ Исидзаки-сан, была связана с уходом Сайто и переориентацией журнала. Однако потом я выяснил, что именно я спровоцировал свое отлучение от журнала – в одной из статей я опубликовал архивные данные о малоизвестных деталях японской интервенции на российском Дальнем Востоке в конце 1920 года. Эта тема достойна подробного освещения, но я бы хотел хотя бы вкратце о ней сказать.

За два года интервенции (с апреля 1918 года) на Дальнем Востоке России японские экспедиционные войска в стычках с дальневосточными партизанами потеряли около 4 тысяч человек. Правящим кругам Японии было не так просто восполнять эти потери за счет новых своих войск, ибо японская общественность все решительнее стала протестовать против вмешательства Японии в российские дела.

Поэтому японским стратегам показалось заманчивым восполнить свои потери за счет армии барона Врангеля, бежавшей в ноябре 1920 года из Крыма в Турцию. Заручившись поддержкой Англии (через какое-то время Королевство уклонилось от этой затеи) и Франции, Генеральный штаб Японии стал готовить операцию по переброске на Дальний Восток «оказавшихся не у дел» врангелевцев, где они смогли бы прикрыть бреши на фронтах борьбы с красными. Такой план был близок к завершению, но в самый кульминационный момент, когда Белую гвардию уже погрузили на транспорты и собирались отправить на Дальний Восток, вдруг вмешались Соединенные Штаты Америки и в ультимативной форме потребовали отказаться от этого замысла.

Данные о ходе подготовки указанной акции американцы регулярно получали от майора японской армии Т., служившего в Генеральном штабе Японии и принимавшего непосредственное участие в этой операции. Это и позволило американцам точно нанести удар по Японии.

Хранящиеся в российских архивах материалы об этой детективной истории уже давно рассекречены, но почему-то никто из исследователей не проявил к ним интереса и они не были обнаружены. Возможно, потому, что эти документальные данные противоречили утверждениям отечественных историков об одинаковой роли Японии и США в «сибирской интервенции» и им запрещалось писать о том, что США здорово помогли России в срыве японской интервенции. К сожалению, из архивных материалов невозможно определить истинную причину такого подвижничества меркантильных американцев, которые, как говорится, «за здорово живешь» стали спасать революционную Россию. Возможно, им Троцкий что-то обещал?

Видимо, главный мой промах заключался в том, что статью я заканчивал обещанием рассказать в следующих публикациях о других тайнах российско(советско) – японских отношений.

Опасаясь, как бы в обещанных статьях я не обнаружил еще какие-нибудь секреты, японский деятель Сэдзима Рёдзо (ныне покойный) употребил все свое влияние, чтобы помешать дальнейшей публикации таких материалов.

¹ Дзэнъёккё – Всеяпонская ассоциация принудительно интернированных.

Фамилия Р. Сэдзима и после его смерти не сходит со страниц японской печати. Он продолжает оставаться в Японии одной из загадок XX века. Это предмет особого разговора. Я хотел бы только отметить, что бывший подполковник японской армии Р. Сэдзима во время Второй мировой войны служил в Генеральном штабе японских сухопутных войск, а в апреле 1945 года был назначен на должность начальника оперативного отдела штаба Квантунской армии. 19 августа 1945 года он принимал участие в переговорах начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Х. Хата с главнокомандующим группировкой советских войск на Дальнем Востоке маршалом А.М. Василевским.

В 1946 году Сэдзима выступил свидетелем обвинения советской стороны на Международном военном трибунале для Дальнего Востока. Его разоблачительная речь сыграла не последнюю роль в осуждении японского милитаризма, так как он знал немало сокровенного из жизни правящей верхушки Японии, о чем честно и откровенно дал показания. Однако после выступления на процессе в Токио он был возвращен в Советский Союз и в 1948 году осужден на 25 лет по ст. 58-6, часть 1 УК РСФСР (шпионаж). Вернулся на родину только в июле 1956 года².

В Японии ходят упорные слухи о возможном сотрудничестве Р. Сэдзима с советскими спецслужбами. Но мало ли о чем можно домысливать? Возможно, Сэдзима-сан опасался, что я выдам какой-то его личный секрет? Но я таким секретом не обладаю, а если бы и знал что-либо, то не стал бы выплескивать это на пересуды. Как бы там ни было, бдительный Р. Сэдзима сделал свое дело и дальнейшая публикация моих записок в Японии сорвалась.

В моих записках нет ни захватывающих сюжетов с побегами и стрельбой, ни погонь за опасными преступниками, что могло бы пощекотать нервы. Нет и тех разоблачений КГБ, на которые так падки авторы, порой только понаслышке делающие свои безапелляционные умозаключения.

Я 30 лет проработал в КГБ, о котором много напечатано и правды и неправды. Я не буду ни порицать, ни защищать эту организацию, а хочу рассказать о некоторых моментах своей работы в этом учреждении. Я был от начала и до конца оперативным работником и занимался рутинной черновой работой, ничего общего не имеющей с героикой детективов.

Я пришел на работу в Центральный аппарат контрразведки КГБ после окончания Высшей школы КГБ при СМ СССР им. Ф.Э. Дзержинского (ныне – Академия ФСБ) в ноябре 1965 года, то есть в тот период, когда беззакония 30-50-х годов XX столетия, инициированные и во многом осуществленные НКВД-МГБ по личному указанию Сталина, были подвергнуты справедливому и суровому осуждению. КГБ СССР ко времени моей работы в этом учреждении был наименее коррумпированным правительственным органом в Советском государстве. Я уверен, что кому-то шибко не понравится мое утверждение, но я говорю правду.

Я работал в классической контрразведке, которая имела дело с контрпартнером – японскими специальными органами. Я не имел отношения ни к психушкам, ни к борьбе с диссидентами и так называемой идеологической диверсии противника.

В записках я не касаюсь вопросов, которые являются прерогативой российской контрразведки и японских спецорганов – пусть они сами между собой разбираются. Я не сомневаюсь, что придет время, когда представители специальных служб России и Японии будут поддерживать партнерские отношения.

² После окончания в 1950 году репатриации на родину японских военнопленных было задержано в СССР более тысячи японцев, в отношении которых имелись данные о том, что они работали в различных органах (разведка, жандармерия, антисоветские организации, судебные органы и т. д.). Все они были осуждены по ст. 58 УК РСФСР к длительным срокам заключения. Большинство из них содержалось в специальном режимном лагере № 16 в г. Хабаровске, а генералы содержались в «генеральском» лагере № 48 в поселке Чернцы Ивановской области.

Я начал изучать японский язык, как язык противника. Но чем больше познавал эту страну, ее народ, тем больше понимал, что не знал Японию, как не знает подавляющее число людей России.

По долгу службы мне приходилось сталкиваться с японцами в различных ситуациях. Возможно, мне повезло, но я не встретил среди них ни одного подлеца, того «коварного самурая», образ которого сложился у нашего народа благодаря пропаганде прошлых времен. Мне кажется, что японцы во многом похожи на русских, поэтому с ними можно легко и быстро найти общий язык.

Отношениям между нашими странами, если считать контакты на неофициальном уровне, немногим более 300 лет. В историческом плане срок совсем маленький. Но за это «историческое мгновение» Россия и Япония (во многом благодаря активным стараниям США и Великобритании) умудрились настолько испортить отношения друг с другом, что понадобятся кропотливые усилия не одного поколения, чтобы добиться доверия и взаимопонимания между нашими народами и странами.

Япония тоже повинна в этом, и отечественные историки справедливо разделали ее вдоль и поперек. Но, изучая архивные материалы, я пришел к убеждению, что Россия (СССР) была тоже далеко не ангелом и многих неприятностей в прошлом можно было бы избежать, прояви обе стороны терпение и сдержанность. Понятно, что прошлого не вернешь. Но, чтобы добиться положительных сдвигов в будущем, нужно беспристрастно сказать правду о прошлом.

В основном в записках я употребляю настоящие имена и фамилии. Если же по каким-то причинам не называю истинную фамилию лица, то выделяю ее курсивом.

Немного о себе

Я не по книжкам, а на собственной, как говорится, шкуре испытал все «прелести» немецкой оккупации и той трагедии, которая не обошла ни одну семью в Белоруссии во время Великой Отечественной войны. Случилась странная вещь: все, что происходило на моих глазах до освобождения нашего села Красной армией в октябре 1943 года, я прекрасно помню, а то, что происходило потом – отложилось в моей памяти только отдельными фрагментами. Например, в моей памяти и сейчас встает картина, как в 10 часов утра 22 июня 1941 года над нашим селом медленно проплыла со страшным заунывным ревом огромная армада «юнкеров» со смертоносным грузом на борту в сторону Киева.

После освобождения Красной армией нашей местности из-под фашистской неволи в декабре 1943 года я пошел в первый класс. Еще доносился грохот канонады, а мы уже изучали буквы. Каких-либо учебников или тетрадей и в помине не было. Писали на клочках бумаги или на конфетных обертках, которые во время немецкой оккупации растащили с ликвидированной немцами Наровлянской конфетной фабрики.

Мне в школе все предметы давались легко, и никто не сомневался, что я обязательно поступлю в высшее учебное заведение. Случилось так, что я очень пассивно повел себя на вступительных экзаменах и не набрал нужного количества баллов, чтобы быть зачисленным на учебу.

Осенью 1954 года меня приняли на работу учеником деревомодельщика на Минский автозавод. Жесткий порядок и дисциплина, работа в две смены и обязательное выполнение производственных заданий – все это не вызывало во мне чувства протеста или скрытого недовольства. Сама профессия мне нравилась, тем более что я был с некоторыми работами по дереву знаком с детства, а полученные в средней школе знания по черчению позволяли быстро разбираться в чертежах, что в глазах начальства выгодно отличало меня от моих сверстников.

В ноябре 1955 года я был призван в армию.

В то время, когда меня призвали в армию, министром обороны был маршал Г.К. Жуков, который жесткими мерами пытался навести в Советской армии образцовый порядок, по поводу чего ежедневно издавал грозные приказы о различных наказаниях провинившихся, которые на утренних построениях нам исправно зачитывали.

У меня уже в тот, армейский период сложилось свое отношение к загадочной фигуре маршала, которое с годами не только не уменьшилось, а скорее увеличилось. Знакомство с архивными материалами, чем я занимаюсь в последние годы, только усилило мою настороженность к роли этого человека в войне, и я думаю, что история еще не сказала своего последнего слова о цене его гениальности и прозорливости.

После службы в армии меня приняли на учебу на исторический факультет Белгосуниверситета. Все дисциплины были для меня интересны, и у меня даже мысли не было уйти из университета.

Однако после зимней экзаменационной сессии меня пригласили зайти в КГБ Белоруссии. После состоявшейся там беседы и различных проверочных мероприятий я оставил университет и уехал на учебу в Ленинград.

«Кормушка»

Институт иностранных языков КГБ при Совете Министров СССР был образован в 1951 году на базе специальных курсов иностранных языков, созданных во время Великой Отечественной войны. На этих курсах в ускоренном темпе изучали немецкий язык сотрудники НКВД, которым предстояла работа на фронте или в тылу врага.

Институт располагался в трехэтажном здании бывшего Павловского юнкерского военного училища по улице Малая Гребецкая, 6, на Петроградской стороне.

Кто-то из обитателей этого учебного заведения дал ему наименование «кормушка», которое прижилось и до сих пор употребляется выпускниками этого учебного заведения. В институте действительно были созданы идеальные, даже по нынешним временам, условия, чтобы слушатели (так именовался переменный состав) института имели возможность отдавать все силы учебе. Помимо того что все слушатели обеспечивались на уровне курсантов военных училищ, каждый ежемесячно получал стипендию в размере 600 рублей в месяц независимо от результатов учебы. Это была по тем временам довольно приличная сумма. Я, например, в университете получал на первом курсе стипендию 35 рублей.

Печально известный отставной генерал О.Д. Калугин, сбежавший в США, тоже был выпускником «кормушки», хотя по разработанной им легенде твердит, что закончил Ленинградский университет.

В 1960 году, однако, эта «кормушка» была ликвидирована, а весь переменный состав был переведен в Москву. И я стал учиться на факультете иностранных языков Высшей школы КГБ при СМ СССР им. Ф.Э. Дзержинского (ныне – Академия ФСБ). Трудно судить, насколько оправдано было такое решение, но власти поступили при этом, как всегда, не по-хозяйски, ибо непомерная жажда гигантомании разрушила прекрасно функционировавшее высшее учебное заведение. Богатая библиотека института была безжалостно ликвидирована, и все книги сданы в макулатуру, а оборудование уничтожено или разграблено. Ныне в обветшалом и долгое время не видевшем ремонта здании размещается районная поликлиника.

В год моего поступления в институт прибыло в четыре раза больше абитуриентов, чем требовалось. Это значит, что в институте при подборе будущих слушателей существовал плановый конкурс.

Я решил, что вернусь назад в университет. Поэтому вместо подготовки к очередному экзамену я все дни проводил в музеях Ленинграда, хотя сдавать экзамены и ходил. Как ни странно, но мне поставили на экзаменах довольно высокие оценки.

Как бы там ни было, я успешно сдал вступительные экзамены и был включен в состав тех, кого вызывали на мандатную комиссию, где происходило первое публичное знакомство руководства института с будущими слушателями.

На собрании вновь зачисленных слушателей было объявлено волевым порядком, что я буду изучать японский язык.

Бюро дезинформации

В 1923 году решением ЦК ВКП(б) в ОГПУ было создано Бюро по дезинформации. Бюро по дезинформации, которому должны были подчиняться все организации СССР. Впоследствии это бюро неоднократно реформировалось, но суть его работы оставалась прежней – продвигать необходимые Советскому Союзу решения и настроения. Многие разработки бюро до сего времени закрыты. Возможно, это и правильно: нужно иметь японскую выдержку и не выкладывать все карты на стол.

Но о двух гениальных операциях Бюро по дезинформации я хотел бы рассказать.

Первая – это знаменитый «меморандум позитивной политики Танака». В мировой печати был опубликован в 1927 году как доклад премьер-министра Японии Танака Гиити императору Хирохито. В меморандуме излагался план последовательного покорения Японией всего мира. Танака Гиити до конца дней своих пытался доказать, что никакого меморандума он не писал, что это фальшивка. Но чем больше он доказывал, тем меньше ему верили.

В последних российских публикациях начинают сомневаться в реальности «меморандума Танаки». Да и как не сомневаться, если влиятельные советские деятели даже в сталинские времена признавали, что меморандум – фальшивка. Если бы такой документ действительно существовал, он бы в обязательном порядке был затребован Токийским трибуналом в качестве доказательства агрессивности Японии.

Советская сторона обвинения на Токийском трибунале избегала даже упоминания об этом документе. Лучшим доказательством этого служит следующее письмо:

«Тов. Вышинскому А.Я.

Маршалом Чойбалсан по нашей просьбе было прислано в Токио на имя обвинителя от СССР заявление об обстоятельствах нападения японских войск на Монгольскую Народную Республику в 1939 г. в районе реки Халхин-Гол. Это заявление имелось в виду представить в Международный военный трибунал в качестве доказательства агрессивных действий Японии, поскольку документы Генерального штаба Советской армии, которыми мы располагаем, недостаточно освещали начальную фазу японского нападения.

Однако в заявлении Маршала Чойбалсана содержится несколько ссылок на меморандум Танаки, написанный в 1927 г., подлинность которого в настоящее время подвергается сомнению. По данным американского обвинения, можно опасаться, что подложность меморандума Танаки будет доказана защитой в стадии ее выступления. Поэтому обвинение избегало ссылок на него, чтобы этим не скомпрометировать своего доказательственного материала.

Мы в своих выступлениях на процессе также ни разу не упоминали о меморандуме Танаки.

В связи с этим прошу Вашего разрешения на возвращение через нашего посла в Монгольской Народной Республике Маршалу Чойбалсану его заявления для пересоставления с целью исключения из него ссылок на меморандум Танаки.

20 ноября 1946 г. подпись (С. Голунский)»

Комментарии здесь излишни, в документе все сказано предельно откровенно. Хотел бы только напомнить, что в то время заместитель министра иностранных дел СССР А. Вышинский был председателем комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по руководству советской частью обвинения на Токийском трибунале, а генерал-майор юстиции С. Голунский был на процессе главным обвинителем советской части обвинения. Монголия не была допущена союзниками для участия в Токийском трибунале, так как считалась частью Китая и только Советский Союз признавал ее независимой страной и представлял ее интересы на процессе.

Результатом реакции А. Вышинского на докладную С. Голунского явилось следующее. Каким-то образом представителям СССР удалось добиться не только того, чтобы «меморандум Танаки» был признан официальным обвинительным документом за № 169, но и чтобы он был представлен... американской стороной обвинения! Вот это политическая игра! Чем же за такую любезность Советский Союз расплатился с «неподкупными» американцами?

Вторым неоспоримым успехом работы Бюро по дезинформации по «японской линии» явилось обеспечение «информацией» оперативной игры, которую вело ОГПУ (НКВД) с японской военной разведкой в Москве и на Дальнем Востоке.

После полученного из Генштаба Японии одобрения и утверждения вербовки «генерала» он был буквально засыпан заданиями японской военной разведки.

Первым серьезным заданием были вопросы о танковых войсках РККА (количество танков, их модификация, тактико-технические данные машин, места дислокации, укомплектованность личным составом, его моральное состояние и т. д.).

Через двадцать дней после «вербовки» на «генерала» обрушилось срочное задание японской военной разведки – двадцать семь вопросов по военной авиации РККА. По здравому рассуждению, выполнение такого задания для одного человека явно невозможно. Но через пять (!) дней «генерал» обрадовал своих «работодателей» отличной дезой, изготовленной Бюро по дезинформации ОГПУ.

Такая активность «генерала» продолжалась до 1938 года, когда новый шеф НКВД Ежов подрубил под корень детище Ягоды – он выкорчевал все с корнем и объявил участников этой игры японскими шпионами, и все они были расстреляны. Удалось сохранить жизнь только оперативному переводчику Роману Николаевичу Киму. Его спасло то, что он блестяще владел японским языком, который оказался востребованным даже во время войны.

По каким вопросам Бюро по дезинформации отличалось своими познаниями – смотрите Приложение № 3.

Когда раскроются тайны?

Самым знаменитым советским разведчиком продолжает оставаться Рихард Зорге. О нем написано очень много, но пока нет сведений о причине его провала. В этом деле могли бы помочь японские спецслужбы. Но, как говорится, не на тех напали. Японцы молчат и будут молчать.

Ко многим версиям о причинах провала Рихарда Зорге я хочу добавить свою.

В последние годы в отечественных средствах массовой информации начинают прорываться материалы об измене в 1938 году начальника УНКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшкова.

Но никто даже словом не обмолвился, что по совместительству он был правой рукой маршала Блюхера – начальником Особого отдела 1-й Краснознаменной дальневосточной армии. Оставим в стороне все безобразия, которые творил Люшков с командным и офицерским составом этой армии, а обратим внимание читателя на тот факт, что по своему служебному положению он имел право и возможность знакомиться со всеми, в том числе разведывательными, документами о Японии, которая по праву считалась основным противником Советского Союза на Дальнем Востоке. Он не мог не обратить внимания на обстоятельные сообщения «Рамзая», который имел доступ к высшим кругам Японии. Когда он махнул в Японию, то на допросах, видимо, поделился своим мнением, что в высших кругах Японии нужно искать советского разведчика, через которого уходит информация в Кремль. Японские спецслужбы основательно «прошерстили» высшие круги и к осени 1941 года вышли на группу «Рамзая».

Ныне покойный генерал ГРУ Михаил Иванович Иванов (1912–2014), который всю войну находился в советском посольстве в Токио и работал с «Рамзаем», говорил мне, что японцы поспешили с реализацией дела Зорге, они могли бы нанести нам более чувствительный удар.

Это моя версия провала «Рамзая». Я буду только благодарен японцам, если они меня поправят.

Когда я работал в КГБ, то несколько раз пытался ознакомиться с архивно-следственным делом на атамана Семенова, которого в 1946 году приговорили к смерти и повесили на гитарной струне. Причину недопуска к делу объясняли моей небольшой должностью. Но до должности председателя я не дотянул и ушел на пенсию, так и не ознакомившись с делом на атамана Семенова.

И вдруг мой хороший знакомый, работающий в Университете Индиана (США), профессор Куромия Хироаки (японец) присылает мне по электронной почте любопытнейший документ – рапорт наркома НКВД Г. Ягоды Сталину о том, что атаман Семенов готов работать на Советский Союз.

Мне не удалось установить, как дальше развивались события и почему атамана Семенова постиг такой суровый приговор. Хотя его дети не были репрессированы.

Беглянки

В 1935 году работавший в Москве корреспондент японской газеты «Токио нити-нити» Кобаяси Хидэо влюбился в русскую девушку и попросил у ее мамы разрешения жениться. Мамаша, работавшая переводчицей в посольстве Японии в Москве, выдвинула японцу свои требования.

– Помоги мне с дочкой бежать из Советского Союза, а потом и женись на ней.

Кобаяси обратился за помощью к военному атташе Японии. Тот обрадовался возможности проверить бдительность НКВД, разработал план вывоза беглянок и запросил санкцию Генштаба. Разрешение Токио было получено, и беглянок решили вывезти из японского посольства в двух чемоданах под видом дипломатического груза. «Дипгруз» сопровождали помощник военного атташе К. и жених Кобаяси.

26 декабря 1935 г. на станции Негорелое (пограничная станция за г. Минск) беглянок обнаружили и судили. Возможно, они выполняли задание НКВД, но сменивший Ягоду Ежов их не простил, а объявил японскими шпионками.

В Центральном музее пограничных войск ФСБ РФ (Москва, Яузский бульвар, 13) на 2-м этаже демонстрируются два чемодана, в которых японская военная разведка пыталась под видом дипломатического груза вывезти из Советского Союза двух беглянок.

Шпиономания

В конце XIX – начале XX в. на Дальний Восток России активно хлынули японцы. Японская диаспора заполонила почти все населенные пункты. Это не могло не беспокоить власти, но до поры до времени к такой ситуации относились терпимо.

Когда в 1904 году началась Русско-японская война, в России было интернировано около 800 японских подданных, не успевших выехать в Японию накануне войны. Все они были выдворены в Европу.

Война разгоралась не в пользу России: США и Великобритания из всех сил помогали Японии «завалить» Россию.

Когда же в мае 1905 года российская эскадра потерпела сокрушительное поражение, известный российский литератор на одном дыхании написал повесть «Штабс-капитан Рыбников». Он красочно описал похождения японского разведчика-нелегала, который под личиной штабс-капитана Рыбникова собирал интересующую японцев информацию. Разоблачила его проститутка, у которой он заночевал и во сне стал кричать «банзай». Проститутка оказалась патриоткой и хотела его задержать... Повесть с литературной точки зрения безупречна. А с оперативной – никуда не годится. Ну и что с того, что штабс-капитан добывал какую-то информацию и злорадствовал по поводу негативного настроения россиян? У Рыбникова не было связи с Токио. Добытые им сведения так и остались при нем. Однако повесть Куприна имела успех и он, по сути, стал основателем российской шпиономании.

Это явление приобрело невиданные размеры в 1937–1938 годах, когда НКВД возглавлял Н.И. Ежов. В то время только «японских шпионов» (из числа советских граждан) было репрессировано большое количество, значительная часть из них была расстреляна.

Советская часть обвинения на Токийском трибунале запросила Москву выслать копии допросов некоторых японских шпионов об их конкретной шпионской деятельности, чтобы предъявить претензии главным японским преступникам. Но ни одного такого протокола допроса не было найдено. Чудеса, да и только! 60 тысяч советских граждан признали, что они японские шпионы. А вот что они делали – забыли напрочь. Не были они шпионами – у них просто выбили признание.

Когда в конце 1941 года под Москвой сложилась угрожающая обстановка, с Дальнего Востока было переброшено несколько хорошо отмобилизованных и вооруженных дивизий, которые прошли 6 ноября 1941 года парадным строем по Красной площади и сразу были отправлены на фронт.

Командующий Дальневосточным фронтом генерал армии И.Р. Апанасенко с разрешения Сталина быстро восстановил вынужденную потерю войск за счет... «японских шпионов», которые добывали золото на Колыме или влачили жалкое существование в других лагерях «Дальстроя». Они добровольно вызвались пойти на фронт...

Реабилитация

После устранения Ежова сменивший его Л.П. Берия вышел с предложением к Сталину перемотать дела на многих заключенных. Сталин дал добро, и 900 тысяч советских граждан, в том числе «японских шпионов», было реабилитировано. Личность Берии продолжает оставаться во многом загадочной, но что касается японской военной разведки, то он сделал немало полезного для борьбы с ней.

Мне рассказывал мой знакомый генерал Н.А. Горбачев, что его двоюродный брат, который работал прокурором в Томске, свою жизнь угробил во многом потому, что с большим трудом «пробивал» незаконно осужденных в 1937–1938 годах. Среди них было и 292 «японских шпиона» (в том числе два ассенизатора). Начальник Томского отдела НКВД капитан госбезопасности Н.В. Овчинников за нарушение законности в 1941 году был расстрелян и не реабилитирован.

5-я улица Соколиной Горы

Осень 1973 года. В Москве проходила универсиада. Это была важная репетиция перед олимпийскими играми, которые проводились в Советском Союзе в 1980 году. Поэтому руководством страны была поставлена задача провести универсиаду без сучка и задоринки.

Все спортивные делегации были размещены в Доме студентов МГУ на Ленинских (Воробьевых) горах. Из Японии прибыла спортивная команда в количестве 120 человек (а в их числе и несколько сотрудников спецслужб, что мы быстро установили; нужно отметить, что вели они себя очень достойно).

Для обеспечения благоприятного участия японских спортсменов в универсиаде была сформирована административная группа. Она и создавала спортсменам все необходимые условия. Руководителем «японской» группы был назначен «отставной» штангист Фельдман, а его заместителем по «политической части» – некая Анна Горбунова (работница какого-то райкома комсомола г. Москвы), по общим вопросам замом был назначен я.

Я представился Горбуновой, и она клятвенно обещала, что мы будем работать вместе, чтобы не случилось никаких неприятностей.

В нашей административной группе было необходимое количество переводчиков. В их числе – несколько ребят, изучавших японский язык в Высшей школе КГБ. С ними я встретился накануне соревнований и просил их оказывать нам всяческое содействие, чтобы не было никаких срывов, тем более жалоб японцев.

Но буквально минут через двадцать после моей договоренности с Горбуновой ко мне прибежали взволнованные ребята из Высшей школы КГБ и сообщили, что Горбунова предупредила всех переводчиков, что я из КГБ и нужно держаться от меня подальше. Такое «сотрудничество» с комсомолкой мне пришлось не по душе, и я двинулся в оперативный штаб, где и сообщил руководителю о проказах бывшей пионерки.

– Что предлагаешь? – спросил руководитель оперативной группы.

– Мне кажется, она устала от ничегонеделания...

– Сергей! – повернулся руководитель к одному из сотрудников штаба. – Проводи Горбунову до проходной, забери у нее пропуск и пожелай ей спокойно добраться домой.

Через некоторое время после удаления Горбуновой повстречавший меня Фельдман поспешно сказал:

– Алексей, не волнуйся, все будет нормально. Я полностью надеюсь на тебя. Делай, как ты считаешь нужным.

Хороший был парень – появился только в день закрытия универсиады, заставил меня несколько ночей не спать.

Но еще когда соревнования были в самом разгаре, я влип в очень неприятную историю. По своей глупости.

У одного из членов нашей обслуживающей команды был день рождения, и он предложил его отметить. Я проявил мягкотелость и от предложения не отказался. В 12:00, когда спортсмены отбыли на соревнования, мы приняли грамм по сто водки и разошлись по своим делам. Вместе с нами, русскими, хлестанул немного и японец Судзуки, который ведал в японской команде хозяйственными делами (как я потом выяснил, бывший сотрудник спецслужб Японии).

Минут через двадцать после несанкционированного распития спиртных напитков ко мне прибежал переводчик и взволнованно сообщил:

– Алексей Алексеевич! С Судзуки плохо. У него разболелся живот...

Я весь похолодел, но взял себя в руки, вспомнив совет «не суетиться под клиентом», и поспешил к японцу. Тот лежал на кровати бледный, весь в испарине, корчился от боли.

«Дело швах. Нужно немедленно сообщать по команде и вызывать скорую». И я поспешил в оперативный штаб. На мое счастье, мне повстречался взволнованный переводчик К., который сказал, что несколько японцев мучаются животами. Оказалось, что заболели человек двадцать японцев, но не спортсменов, а «руководящий состав».

Стало легче на душе. Значит, не от водки корчится Судзуки...

Вскоре пришло пять машин скорой помощи, и я отвез заболевших японцев в инфекционную больницу, что на 5-й улице Соколиной Горы. Там им сделали промывание желудка и отпустили. За исключением Судзуки, которого оставили в больнице.

Заболевшие японцы претензий к советской стороне не высказали, а сообщили, что отравились не очень свежей пищей (суси или сасими) в японском посольстве в Москве, где накануне для них был устроен прием.

Через два дня выписали из больницы и Судзуки. Лечащий врач, пожилой и опытный, сказал мне и японцу, что его спасла водка, которую он выпил накануне приступа. Я попросил его, чтобы он об этом сказал и японцу.

И врач исполнил мою просьбу, а закончил свою речь словами:

– Молись богу, что тебя напоили. Тот, кто угостил тебя водкой, спас тебе жизнь.

Перед отъездом на родину хозяйственный Судзуки аккуратно сложил оставшиеся канцелярские принадлежности в коробки, красиво увязал и сказал:

– Алексей-сан, заберите эти коробки. В конторе пригодятся.

Потом засмеялся и сказал, что он всем будет рассказывать, как КГБ вылечил его водкой. И рассказывал. Даже статью об этом написал в какой-то японской газете.

И еще два памятных момента.

Когда я окунулся в организационно-хозяйственные проблемы, на которые меня бросил испуганный бывший штангист и в которых я был полным профаном, то понял, что без тесного сотрудничества с японской опергруппой мне не обойтись (а я знал, что такая группа есть). Я попросил Судзуки познакомить меня с руководителем этой группы. И он меня свел с Танака, который якобы отвечал за порядок в японской делегации. Но, по моему убеждению, молодой Танака никак не мог возглавлять оперативную группу японской делегации, о чем я и сказал Судзуки (потом мне удалось установить количественный и качественный состав этой группы, да и подтвердить, кто из японского посольства «опекал» японскую делегацию). Мое сотрудничество (без санкции руководства) с японской опергруппой прошло блестяще – ни одного нарекания или жалобы со стороны и японцев, и советского оргкомитета. Но история на этом, как оказалось, не закончилась...

Во время оперативного обслуживания японской делегации на Московской универсиаде 1977 года произошел один досадный случай. Вдруг исчез назначенный в группу старший лейтенант Чудаков. Моя попытка разыскать его ни к чему не привела. На работе отвечали, что он на универсиаде. Но в нашей оперативной группе его не было.

И вдруг совершенно случайно я обнаружил Чудакова, который прятался за кустом растущего в скверике шиповника. Я от неожиданности даже онемел, а потом спросил:

– Слава, а что ты здесь делаешь?

– Наблюдаю за японцами, – невозмутимо ответил Слава.

Я понял, что такого «сыщика» и могила не исправит, и соврал ему:

– Принято решение в целях безопасности отозвать тебя из оперативной группы на основную работу.

Чудаков обрадовался, сказал «есть» и отправился на службу. Я, конечно, намного превысил свои полномочия, о чем и доложил по команде. К счастью, мои действия были одобрены.

А о третьем моменте расскажу ниже, в заключении.

Танцор из Японии

Весна 1966 года. В ночь с субботы на воскресенье я заступил на дежурство по советской контрразведке. Помощником дежурного.

Около одиннадцати вечера дежурному поступило сообщение, что в ресторане «Арбатский» милицией задержан за хулиганские действия подданный Японии. И меня направили на место происшествия, сказав, что я на месте разберусь.

В комнате милиции, которая находилась в подвальном помещении ресторана «Арбатский», сидел пожилой японец Сато, человек маленького роста и тщедушного телосложения. Странный хулиган.

Находившийся там сотрудник милиции объяснил мне, что японец допустил хулиганские действия в отношении гражданки Титькиной. Попытка выяснить, какие же действия предпринял Сато, ни к чему не привела: Титькина уже благополучно из ресторана удалась, а доблестная милиция даже не удосужилась взять у нее объяснение.

Пришлось мне расспрашивать японца. Я стал ему задавать вопросы на японском, но он почему-то пытался отвечать на ужасно плохом английском. В конце концов он понял, что я пытаюсь общаться с ним на японском. Выяснилась следующая картина.

Состоятельный бизнесмен Сато проездом из Франции решил остановиться на два дня в Москве, чтобы ознакомиться с ее достопримечательностями. Он остановился в гостинице «Метрополь», но поужинать решил в ресторане «Арбатский», который в то время пользовался популярностью.

Иностранцу предоставили хорошее место. Потом к нему за столик подсади три дамы, по всей видимости свободных нравов. Несмотря на незнание средства общения, дамы мимикой и жестами быстро сошлись с Сато, и он даже угостил их шампанским. Потом японец так осмелел, что пригласил Титькину на танец.

Девица была настолько здорова в своих формах, что маленький японец только тыкался носом в ее прелести. Сато никак не мог поверить, что тела Титькиной настоящие, а не сварганы из какого-нибудь поролон. И решил проверить (извечное любопытство японцев!). Японец ткнул указательным пальцем в злосчастный бугорок, которого он касался кончиком носа...

Реакция последовала незамедлительно: Титькина закатила Сато такую оплеуху, что потомок самураев отлетел метра на три под стол. Появилась администрация, милиция, а потом и я прикатил.

Никаких мер против Сато милиция принимать не стала, а с удовольствием разрешила мне доставить японца в гостиницу «Метрополь».

Этим не завершилось любопытство японца к московским достопримечательностям. Он меня спросил, где я работаю. Я ответил честно: в КГБ. На несколько мгновений японец онемел а потом переспросил:

– Это правда?

– А зачем мне врать? Тем более такому уважаемому бывшему военному разведчику Японии, – на ходу придумал я ответ. – У меня есть к вам личные вопросы. Вы были знакомы с А.В.С.Э.?

– Конечно, конечно! – радостно отвечал Сато.

А когда я спросил у него, когда он закончил разведывательную школу Накано, по-моему, он вообще расцвел от счастья. Сато пригласил меня к себе на следующий день в гостиницу. Но я не стал об этом докладывать начальству, и наш контакт прервался. К тому времени я уже осознал, что это не укладывается в провозглашенную в Советском Союзе доктрину о «злых самураях».

На японском направлении

Поэт Владимир Маяковский сказал: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». Я переделал слова поэта в фразу: «Японский я выучу только за то, что им разговаривает Хирохито». Эта перефразировка была, видимо, не совсем уместна, во всяком случае, раньше произнести вслух подобные слова было большим кощунством. Я, правда, не вкладывал в них никакого иронического или враждебного смысла – просто эти слова каким-то образом помогли мне взяться за непонятный язык.

До непосредственного соприкосновения с японским языком особыми познаниями о Японии я не обладал. В школьные годы прочел романы Степанова «Порт-Артур», Новикова-Прибоя «Цусима», рассказ А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников». И этого было вполне достаточно, чтобы считать, что все японцы – сплошь самураи, которые любят делать себе харакири, что это коварные и жестокие люди, с которыми ухо надо держать остро.

Таковыми же познаниями, видимо, обладали и большинство жителей нашей страны. Во многом такое мнение о Японии и японцах сложилось под воздействием официальной пропаганды периода, когда Россия (СССР) и Япония между собой соперничали или даже враждовали. А в основном взаимоотношения между нашими странами таковыми и были на протяжении почти двухсот лет.

В школьные годы я не раз разговаривал с одним стариком – Рак Василием, который был защитником Порт-Артура во время Российско-японской войны 1904–1905 годов, а затем несколько месяцев провел в Японии в плену. Его приятно поразили мои расспросы о русских генералах Стесселе, Фоке, Кондратенко, Белом, адмирале Макарове и других, знания о которых я почерпнул в упомянутых выше книгах. Понятно, что малограмотный бывший нижний чин не мог знать больше написанного литераторами.

Я же, к сожалению, не предполагал, что мне когда-либо придется встретиться с японскими проблемами, и упустил возможность расспросить очевидца тех давних уже событий. Сколько же мы за свою жизнь безвозвратно теряем благоприятных возможностей и собеседников, которые были рядом с нами, но бурливый поток времени лишил нас случая этим воспользоваться.

Как бы там ни было, я приступил к изучению этого необычного языка, который преподавала тихая и скромная женщина Татьяна Сергеевна. Язык нам давали пять дней в неделю по четыре часа в день. В шестой учебный день, который я называл Юрьевым, нам читали другие дисциплины. После занятий и обеда была введена обязательная трехчасовая самоподготовка, во время которой было запрещено бесцельно бродить по институту.

Ежедневные и упорные занятия языком не замедлили вскоре сказаться. По языку и другим дисциплинам я первый курс окончил на «отлично» и в числе пяти остальных отличников был даже награжден ценным подарком, который храню до сих пор. Мне кажется, что основные знания японского языка я приобрел именно на первом курсе, а затем всю жизнь его пришлось доучивать.

На оперативной практике; Владивосток – Сокольники

Занятия в Высшей школе дважды подкреплялись практикой в оперативных подразделениях советской контрразведки.

В 1962 году меня направили на двухмесячную (июнь – июль) оперативную практику в УКГБ при СМ СССР по Приморскому краю.

Из всех подразделений, в которых мне поочередно пришлось побывать на практике, на меня наибольшее впечатление произвела стажировка в следственном отделении. Как раз в это время шла работа по реабилитации незаконно репрессированных, начатая после разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС.

Мне давали архивные дела на осужденных, я их изучал и делал заключение. Почти все фигуранты дел были обвинены в японском шпионаже, но, если судить по имеющимся в архивных делах материалам, и дураку было бы ясно, что шпионажем здесь даже не пахло и никакими враждебными делами против Советского Союза они не занимались, так как доказательства подобной деятельности просто отсутствовали.

Я добросовестно штудировал материалы и в подготовленном проекте заключения писал, что такие-то лица осуждены по такой-то статье УК РСФСР и расстреляны такого-то числа незаконно, а посему подлежат посмертной реабилитации.

Особенно меня поразило одно архивно-следственное дело в отношении 130 заключенных исправительно-трудового лагеря в Приморье, возбужденное в 1929 году. Десять фигурантов дела были приговорены к расстрелу, а остальным добавили сроки. Все они были невиновны.

Меня поразили хранившиеся в деле несколько писем заключенного Бондаренко (других его данных не помню) Сталину, которые до вождя так и не дошли, а были похоронены в этом жестоко-бесстрастном уголовном фолианте. 26-летний Бондаренко, бывший учитель, бывший член ВКП(б), активный участник партизанской борьбы с японскими интервентами, умолял вождя разобраться с клеветой на него. Но письма Сталину не дошли, а «японский шпион» был расстрелян.

На меня это дело оказало такое гнетущее впечатление, что я невольно подумал: «А зачем я сюда попал? Я буду протестовать!» Забегая вперед, скажу, что за время работы в КГБ не сделал ни одного поступка, за который мне стало бы стыдно. Хотя не раз приходилось сталкиваться с подлостью людей, пытавшихся мне насолить. Но мне повезло – то ли времена уже были не тридцать седьмого года, то ли защитили меня настоящие люди.

...Следователь Хлопов поправлял меня и говорил, что так писать нельзя, «чтобы не компрометировать органы государственной безопасности, да и начальство такое заключение не подпишет». И он исправлял заготовленный текст, указывая, что такой-то скончался такого-то числа от порока сердца или аппендицита. У Хлопова были небольшие познания в медицине, поэтому он только чередовал названия болезней. Я был шокирован и самими делами, и таким подходом к их пересмотру. Ни одного дела, где хотя бы пахло настоящим японским шпионажем, в мои руки так и не попало. «Во конспирация!» – подумал я.

Хлопов вел только одно действующее дело – в отношении перебежчика из КНДР Пака, который бежал от расправы из северокорейской деревни и сам пришел на советскую пограничную заставу. Я раза два присутствовал на допросах, которые вел Хлопов через переводчика, в роли которого выступал оперативный работник, кореец по национальности. Мне было искренне жаль молодого, измученного туберкулезом корейца, который в отчаянии бежал от деревенского старосты или партийного босса куда глаза глядят. Я поинтересовался у следователя, а какова судьба его ожидает?

– Да какая там судьба, – равнодушно отвечал Хлопов. – Что с него взять? Передадим на границе северо-корейским пограничникам.

– Но они же посадят его в тюрьму? – удивился я.

– Да нет, – успокоил меня Хлопов голосом человека, которому все надоело. – Его тут же расстреляют без суда и следствия, могут даже на наших глазах. Мы уже несколько таких беглецов передали. Так что все хорошо знаем.

– Но он же никакой не враг и ни в чем не виноват, а просто бежал, спасая свою жизнь, – пытался я вступить за перебежчика.

– А Москве виднее, – лениво отмахнулся от меня, как от назойливой мухи, Хлопов и разъяснил, что есть соглашение между СССР и КНДР о взаимной выдаче преступников. – Вот в рамках этого соглашения мы и должны действовать.

Гнетуще на меня подействовало то, что я увидел и узнал, но что было делать?

В это время в нашей стране зрело недовольство некоторыми бездумными шагами и мерами Н.С. Хрущева. Порой это выливалось в анонимные письма и листовки, в которых выражалось недовольство перебоями в снабжении продуктами и другими недостатками. Это было малозаметное, но грозное предупреждение советским властям. Однако им было все нипочем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.